

ГО МО-ЖО — ИСТОРИК ДРЕВНЕГО КИТАЯ

20 декабря 1951 г. за выдающиеся заслуги в деле борьбы за сохранение и укрепление мира Президенту Китайской академии наук Го Мо-жо была присуждена Сталинская премия «За укрепление мира между народами», торжественно врученная Го Мо-жо в Кремле 9 апреля 1952 г.

Го Мо-жо давно известен советскому народу как страстный борец за дело мира. Уже тридцать лет историк и общественный деятель, писатель и поэт Го Мо-жо стоит в первых рядах революционной китайской интеллигенции, поставившей свое творчество на службу народу. Го Мо-жо является крупнейшим китайским историком, поднявшим на новую ступень изучение древнекитайского общества. Впервые поставив в центр исследовательской работы вопрос о социально-экономических отношениях в Китае, он доказал, что древний Китай прошел через стадию рабовладельческого общества.

Го Мо-жо родился в 1892 г. в местечке Шавань, в провинции Сычуань. Четырехлетним мальчиком его отдали учиться в частную школу. «Меня учили по-старому,— писал он,— а старое образование было основано на ежедневной зубрежке четырех классических книг и пяти канонов¹. Хотя я, конечно, не понимал их, но, несомненно, изучение их уже с младенческих лет заложило базу для позднейшего исследования древних эпох»². В 1910 г. Го Мо-жо переехал для продолжения образования в Чэнду. В 1918 г. он поступил на медицинский факультет университета в Кюсю в Японии, который окончил в 1923 г. В 1921 г. в Шанхае Го Мо-жо организовал издательство «Творчество». Он быстро стал идеальным руководителем группы прогрессивных литераторов, отстаивавших лозунг «Литературу — в народные массы!». С тех пор Го Мо-жо становится страстью пропагандистом русской литературы. Он переводит Л. Толстого, Горького, лучшие произведения советских писателей.

Го Мо-жо активно участвовал в революции 1925—1927 гг. Временное поражение революции вынудило Го Мо-жо эмигрировать. В годы эмиграции он усиленно занимался археологией и историей и в 1930 г. выпустил книгу «Исследование древнего общества Китая»³.

В 1937 г., после нападения японских импералистов на Китай, Го Мо-жо тайно вернулся на родину. Несмотря на преследования и полицейскую слежку, несмотря на покушения на его жизнь агентов гоминдановской тайной полиции, Го Мо-жо мужественно боролся против реакционного гоминдановского режима. В то же время он продолжал работу над основными проблемами истории древнего Китая и истории китайской культуры и подверг пересмотру ряд положений, высказанных в «Исследовании древнего общества Китая».

В 1945 г. по приглашению Академии Наук СССР Го Мо-жо приехал в СССР для участия в торжествах по случаю 220-летнего юбилея АН СССР. В Москве и Ленинграде он детально знакомился с советской наукой, посещал институты, работал в Историческом музее над материалами из раскопок древнекитайского здания, открытого в Южной Сибири, читал доклады по истории Китая. Затем он посетил Сталинград и Среднюю Азию.

По возвращении в Китай он издал книги «50 дней в СССР» и «Путешествие в СССР. Дневник писателя», в которых рассказал о незабываемых впечатлениях от поездки по Советскому Союзу. Много теплоты, чувства восхищения и любви к советскому народу содержат эти книги. Го Мо-жо преклоняется в них перед мужеством советских людей и мудростью их руководителей, отстоявших родину от врага и с невиданной энергией взявшись за восстановление военных разрушений. Большой душевный подъем заставляет Го Мо-жо в ряде мест говорить стихами. Так он описывает, например, физкультурный парад на Красной площади 12 августа 1945 г.:

¹ Четыре классические книги: Да-сюэ, Чжун-юн, Лунь-юй, Мэн-цзы; пять канонов (цзин): И-цзин, Шу-цзин, Ши-цзин, Ли-цзи и Чунь-цю.

² Го Мо-жо, Ши пипань шу (10 критических работ), Шанхай, 1950, стр. 471.

³ В этот же период, до 1937 г., Го Мо-жо опубликовал свои исследования «Надписи на бронзовой утвари династий Инь и Чжоу», «Надписи на костях», «Толковый словарь оракулов», «Собрание древних надписей на утвари», «Избранные надписи эпохи династии Инь», «Собрание надписей на металлической утвари эпохи обеих чжоуских династий», «Развитие знаний о мироздании в до-циньскую эпоху», «Надписи на каменных барабанах», «Изучение эпохи создания книги И-цзинь», «Цюй Юань (из истории уделов Сюй и Чу)» и др.

*Небо движется. Земля движется. Люди движутся.
 Красная площадь тонет в музыке.
 В гармонической мелодии она то поднимается, то опускается.
 Веселые. Здоровье. Красота. Ловкость. Храбрость.
 Все древние греческие и римские боги возродились.
 Они обнажили свои сильные тела, красивые движения и улыбки.
 Море—море разноцветных знамен и флагов.
 Море—море многочисленных голосов, полных радости.
 Красная звезда над Кремлем сверкает яркими лучами.
 Победа сдержана. Мир такой ясный.
 Щедро бьют яркие лучи солнца.
 Тьма спряталась без следа, без тени.
 Кто закалил эту массу стальных людей,
 Единую стальную волю и единое убеждение?
 Ура Сталину! Ура Сталину!¹*

В настоящее время Го Мо-жо—один из крупнейших государственных и общественных деятелей Китайской Народной Республики. Он — заместитель премьера Государственного административного совета по делам науки и культуры, заместитель председателя национального комитета Народного политического консультативного совета, член Центрального народного правительства, президент Китайской академии наук, председатель Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства, председатель Китайского народного комитета защиты всеобщего мира и борьбы против американской агрессии, заместитель председателя Всекитайского общества дружбы Китая и СССР.

Центральной проблемой, над которой работает историк Го Мо-жо, является проблема рабовладельческой формации в Китае. До Го Мо-жо китайские историки не считали, что Китай прошел через ступень рабовладельческого общества. Большинство из них придерживались взгляда, что в древнем Китае господствовал феодализм. В этом взгляде сказывалось как влияние позднейшей феодальной конфуцианской трактовки древней истории Китая, так и влияние западноевропейской буржуазной науки (Шавани, Масперо и др.), утверждавшей, исходя из сходства с западноевропейским средневековьем удельной системы и форм пожалований в эпоху Чжоу (1122—249 гг. до н. э.), что Китай в это время переживал расцвет феодализма. Другие китайские историки говорили, что Китай прошел через «полурабовладельческое общество», т. е. что в Китае было только патриархальное рабство, но труд рабов не использовался в производстве. «Такие термины рабства, как ну, пу, си, це, тун, би, показывали, что в Китае рабство было. Но все они означали унизительный рабский труд в семье, а не рабский труд в производстве. Отсюда и появился вывод о „полурабовладельческом обществе“»².

Го Мо-жо подошел к решению основных проблем истории древнекитайского общества с точки зрения единства исторического процесса. Полемизируя с теми, кто утверждал, что Китай не знал рабовладельческой формации, Го Мо-жо писал: «Невероятно, чтобы какой-то один народ, не пройдя через рабовладельческую формуацию, прямо достиг бы стадии феодаль-

¹ Го Мо-жо, 50 дней в СССР, Шанхай, 1947. Перевод с китайского Вл. Рогова, стр. 94 сл.

² Го Мо-жо, Чжунго нули шэхой (Китайское рабовладельческое общество), «Синьхуа юэбао», 1950, № 9, стр. 685.

ного общества. Не может быть и того, чтобы он прошел только через „рабовладельческое“ общество¹. «Раньше принимали чжоуское общество за феодальное. Однако это не согласуется с законами развития общества, ибо после разложения родового строя еще должен наступить рабовладельческий этап, этап зарождения и формирования государства, и только после этого возможно развитие к феодальному обществу»². Го Мо-жо доказывает, что в древнем Китае в больших масштабах использовался труд рабов в производстве. Историки не замечали этого потому, что причисляли к рабам только те категории людей, к которым применялись вышеупомянутые термины рабства, сохранившие свое значение и в современном языке. Но эти термины применялись как раз к тем рабам, которые не участвовали в производстве. «Использовавшиеся в древности в производстве рабы — это минь (это слово в современном языке означает „народ“) и чжун (в современном языке — „масса“, „толпа“)... Эти слова впоследствии утратили свое первоначальное значение. Поэтому ученые и не обращали на них внимания». Указывая на другую причину того, что историки отрицали наличие рабовладельческой формации в Китае, Го Мо-жо там же пишет: «В письменных источниках сравнительно мало указаний на то, что в Китае в больших масштабах использовался труд рабов в производстве. Но этот недостаток легко восполняется археологическими материалами... Использовавшиеся в Иньскую и Чжоускую эпохи бронзовые сосуды, на которых делались надписи (в некоторых из них по 400—500 иероглифов)—прекрасный исторический источник, и сведения мы получаем здесь из первых рук»³.

Го Мо-жо считает, что в период Шан-Инь (1766—1122 гг. до н. э.) уже создалось рабовладельческое классовое общество. Он доказывает свое положение высоким развитием ремесла в эту эпоху, невозможным без отделения ремесла от земледелия, и анализом ряда иероглифов. Кроме того, Го Мо-жо считает важнейшим доказательством также данные о раскопках Иньских гробниц⁴. Эти раскопки, произведенные в Сяотуне и Хоуцячжуане под Аньяном, показали, что в гробницу вместе с иньским ваном закапывали много трупов людей с оружием. Количество таких «стражей», положенных в одну могилу, доходит до 300—400 человек. Го Мо-жо показывает, что, согласно «Историческим запискам» Сыма Цяня, этот обычай практиковался и значительно позже. Интерпретируя эти находки, Го Мо-жо там же пишет: «Каково было социальное положение людей, которых находят в гробницах с оружием? История развития общества говорит, что это ни в коем случае не были свободные люди. Это были рабы. Но использовался ли труд этих рабов в производстве?... В древности не отделяли крестьянина от работника и воина. Когда в мирное время он обрабатывал землю, он был крестьянином; отбывая повинность, он становился работником; в тревожное время он брался за оружие и становился солдатом. Могло быть и так, что ему приходилось нести охранную службу. Возможно, что люди, положенные в могилу с оружием, были рабами, труд которых использовался в производстве. Возможно и то, что они были оторваны от производства... Но чья сила употреблялась для того, чтобы прокормить этих оторванных от производства людей? Для этого нужны были люди, участвовавшие в производстве. Стражи, оторванные от производства, ни в малейшей мере не были свободными, они были рабами. Положение

¹ Го Мо-жо, Чжунго нули шэхой (Китайское рабовладельческое общество), «Синьхуа юэбао», 1950, № 9, стр. 685.

² Го Мо-жо, Чжунго гудай шэхой янъцю (Исследование древнего общества Китая), Шанхай, 1951, стр. 101.

³ Го Мо-жо, Чжунго нули шэхой, стр. 685.

⁴ См. там же, стр. 686.

рабов, производивших необходимые для них материалы и продукты питания, должно было быть еще хуже. Отсюда видно, что в Иньскую эпоху существовало рабовладение».

Го Мо-жо считает, что древнекитайские рабы принадлежали государству. Разложение государственного хозяйства, постепенный переход государственных земель и ремесленных мастерских в частные руки означали вместе с тем конец рабовладельческого строя и переход к феодальному обществу. «Освобождение сельскохозяйственных рабов произошло в связи с крушением системы цзинтянь (государственных полей). Рабовладельцы того периода, узурпируя прибавочный труд сельскохозяйственных рабов, использовали их для обработки свободных земель вне цзинтянь и превращали в свои частные поля или владения. Постепенно число „частных полей“ и помещиков возрастало, частных полей стало больше, чем „общественных“ (частная собственность по объему стала превышать государственную), и политическая власть постепенно стала переходить из рук высших общественных слоев — императоров и князей — к более низким, к помещикам. Так возникла феодальная система помещичьего землевладения. Этот процесс постепенно происходил в периоды Чуньцю и Чжанъго (VII—III вв. до н. э.)»¹.

Тот же процесс перехода государственной собственности в частные руки Го Мо-жо отмечает и в ремесленном производстве. «В период династий Инь и Чжоу людей, занятых в ремесле, называли байгун. Это были толпы рабов, принадлежащих государству и занимавшихся всеми видами работ. Существовал специальный институт наблюдавших за ними надсмотрщиков. Такое положение не претерпело никаких значительных изменений до середины периода Чуньцю. Во времена правления Хуань-гугна из княжества Ци (VII в. до н. э.) его премьер-министр Гуань Чжун говорил: „Управлять рабами-ремесленниками и есть политика“ („Ремесленники, как стадо, пасутся чиновниками“). Во времена Вэнь-гугна из княжества Цзинь (VII в. до н. э.) встречается такое изречение: „Ремесленники и торговцы кормятся от правительства“. Все это достаточно ясно свидетельствует о природе ремесленников и торговцев (они тогда были рабами). Во второй год правления князя Чэнь-гун, в 589 г. до н. э., на княжество Лу напало княжество Чу, и княжество Лу отдало в качестве контрибуции рабов-ремесленников — ткачей, портных, столяров и т. д. — всего 100 человек... Чиновники, ведавшие производством ремесленных рабов, также присваивали себе их прибавочный труд путем производства различных предметов и проведения работ сверх установленной правительством программы. Эту продукцию они обменивали на сельскохозяйственную у вновь появившихся помещиков... Создание помещичьего землевладения в сельском хозяйстве и частных мастерских ускорило развитие торговли. В период Чжанъго (V—III вв. до н. э.) в Китае было выпущено множество различных типов монет, что подтверждает высказанную выше мысль»².

Таковы взгляды Го Мо-жо на основные процессы в истории древнекитайского общества. Некоторые положения Го Мо-жо кажутся недостаточно обоснованными и требующими дальнейшей разработки. То решающее значение в определении Иньской эпохи как рабовладельческой, которое придает Го Мо-жо найденным в гробницах Иньских ванов «стражам» с оружием, вряд ли несомненно, так как эти массовые человеческие жертвы могут свидетельствовать и о том, что рабы еще не имели большого хозяй-

¹ Го М о - ж о, Изучение истории в Китае во время войны, ВИ, 1945, № 5—6, стр. 183.

² Там же.

ственного значения. Сам Го Мо-жо в другом месте пишет, что приносились в жертву рабы, главным образом в эпоху первобытно-общинного строя. «Сначала, после покорения чужого рода или победы над ним, всех захваченных людей убивали. Они приносились в жертву духам предков данного рода. Это подтверждается множеством гадательных надписей о человеческих жертвах... Однажды принесли в жертву 2656 человек... Но когда человек стал ценностью, которую можно употребить, то стали из сообразительных и послушных плечевых делать посыльных и слуг. Это были домашние рабы... Непокорных же принуждали участвовать в производстве. Их-то и называли чжун и минь»¹.

Го Мо-жо, несомненно, в дальнейшем уделит больше внимания высокой культуре иньского периода, обнаруженной при раскопках VI столицы Инь около Аньяна. Этот обширный город, бывший одновременно резиденцией правителя, чиновничества, жрецов и крупнейшим центром ремесла (в том числе и металлургического) и торговли, является, наряду с текстами надписей на находимых в его некрополях предметах, серьезным подтверждением вывода Го Мо-жо о классовом строе иньского общества.

В советской исторической литературе высказывался взгляд, что к концу Иньской эпохи классовое общество еще не сложилось². Это положение едва ли в дальнейшем будет подтверждено развивающимися в новом Китае исследованиями текстов и археологическими раскопками иньских столиц. Уже добытый материал позволяет противопоставить этому наблюдения, скорее подтверждающие точку зрения Го Мо-жо. Однако те археологические факты, о которых говорил сам Го Мо-жо, еще не могли служить окончательным подтверждением его положения, что иньское общество уже было рабовладельческим.

Недостаточно разработанным кажется и положение Го Мо-жо о том, что возникновение частного хозяйства в древнем Китае означало переход от рабовладельческого строя к феодальному. Замена государственного рабовладельческого хозяйства частным рабовладельческим также возможна, и подобные факты знает история древнего Востока.

Для того чтобы доказать, что дело обстояло именно так, как говорит Го Мо-жо, нужно было бы показать, что в это время уже сложилась феодальная собственность на землю. Пока Го Мо-жо не показал этого, можно считать недостаточно обоснованной ту границу, за которой, по его мнению, начинается феодализм в Китае. Не случайно Го Мо-жо, сначала относивший к рабовладельческой формации только Западное Чжоу, в докладе, сделанном в 1945 г. в Москве, включил в нее и Восточное Чжоу³, а в послесловии к «Исследованию древнего общества Китая», написанном в 1947 г., отнес к рабовладельческому строю и время Цинь (221—206 гг. до н. э.)⁴. Советские исследователи обратили внимание на факты, свидетельствующие о большом развитии рабовладения как государственного, так и, особенно, частного, при ранней Ханьской династии⁵.

Много внимания в своих работах Го Мо-жо уделяет истории развития идеологии в древнем Китае. Он считает, что конфуцианская школа до эпо-

¹ Го М о - ж о , Ши пипань шу, стр. 42.

² См. Л. Ю. Д у м а н , Очерки по древней истории Китая, Л., 1938 (литографированное издание); Т. В. С т е п у г и н а , К вопросу о социально-экономических отношениях в Китае в XIV—XII вв. до н. э., ВДИ, 1950, № 2; Л. В. С и м о н о в с к а я , Вопросы периодизации древней истории Китая, ВДИ, 1950, № 1.

³ ВИ, 1945, № 5—6, стр. 183.

⁴ Го М о - ж о , Чжунго гудай шэхой янъцзю, стр. 355.

⁵ А к а д . В. В. С т р у в е , История Древнего Востока. 1941, стр. 447—453. В. И. А в д и е в , История Древнего Востока. 1948, стр. 533—536. Л. В. С и м о н о в с к а я , ук. соч., стр. 45. С. В. К и с е л е в . Древняя история Южной Сибири. Изд. П. М. 1951, стр. 309—311.

хи Цинь ставила в центр внимания народ. «Они призывали к распространению образования среди народа, выступали против аристократических привилегий. Конфуцианцы уважали историю, брали из нее примеры, достойные подражания, использовали эти примеры для своей агитации. Конфуцианцы провели в то время большую работу по распространению культуры и искусства среди народа»¹. В противоположность конфуцианству, Го Мо-жо считает антинародными направлениями как школу «моцзя» и даосов, так и сторонников школы «фацзя». «Философская школа „моцзя“ ставила на первое место императора, властителя... Их главными философскими терминами были: цзэнъай (альtruизм) и фэйчун (пацифизм). Но альтруизм истолковывался ими не как любовь к народу, а как уважение к частной собственности и людям, ею обладавшим; он означал на практике: ты уважай мою частную собственность, а я буду уважать твою собственность. Принцип пацифизма означал: ты не должен узурпировать мою собственность, я не буду посягать на твою собственность»².

Школа даосов, по мнению Го Мо-жо, играла положительную роль, когда выступала против религии и суеверий. В целом, однако, даосская доктрина индивидуализма, игнорировавшая общество и призывающая к уходу от общества, к отшельничеству, была антинародной. Школа же «фацзя», возникшая позже, синтезировала философию даосов со взглядами школы «моцзя», т. е. соединила индивидуализм с принципом безраздельной императорской власти. «Шэнь Бу-хай и Хань Фэй-цзы создали теорию, согласно которой индивидуальностью мог быть наделен лишь один император. Эта теория была ультраабсолютистской»³. Советские исследователи считают, что школа «фацзя» способствовала вместе с тем и идеологическому обоснованию борьбы за расширение частной собственности на землю, за рост рабовладения. Она оказала определяющее влияние на реформы Шан-Яна в царстве Цинь (358—348 гг.) и на реформаторскую деятельность Цинь Ши хуанди⁴.

Важными историческими работами Го Мо-жо явились также «10 критических работ» и «Бронзовый век». Обе эти работы вышли из печати в 1945 г. В эти сборники вошли его работы, написанные после 1930 г. По существу обе книги представляют собой, как писал Го Мо-жо, единое целое и взаимно дополняют друг друга. Большею частью они посвящены истории древнекитайской идеологии.

В «Бронзовом веке» лишь последняя статья, озаглавленная так же, как весь сборник, посвящена вопросам материальной культуры. В ней сформулированы выводы, к которым пришел учёный после более чем десятилетних исследований древней бронзы. Го Мо-жо считает, что история развития иньских и чжоуских бронзовых сосудов может быть разделена на четыре периода⁵. При этом пропорции сосудов, изображения на них и способ написания иероглифов на каждом этапе образуют известное единство. Древнейший период начался с Иньской династии и охватывал период Чжоуской династии до правления Му-вана включительно (т. е. до 946 г. до н. э.). Сосуды этого периода, особенно высоко ценимые любителями древности, тяжелы и прочны, с правильными пропорциями. Предназначены они не для повседневного употребления. Рисунки, покрывающие весь сосуд, изображают драконов, фениксов, тао-те и других мифических

¹ ВИ, 1945, № 5—6, стр. 184.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Л. В. Симоновская, ук. соч., стр. 44.

⁵ Го Мо-жо, Цинтун шидай (Бронзовый век), Чунцин, 1945, стр. 258 сл.

животных. В этих изображениях много общего с изображениями тотемов примитивных народов. Надписи выполнены строго и тщательно.

После 946 г. начался период упадка, продолжавшийся до середины периода Чуньцю. Пропорции становились грубее, изображения и надписи выполнялись небрежно. Но в этот период надписи постепенно делались длиннее, а в изображениях пропадал оттенок первобытности, и в этом проявился прогресс по сравнению с предыдущей эпохой.

Объясняя эти перемены, Го Мо-жо писал: «Развитие ремесла здесь совпадает с развитием земледелия... После 946 г. стали выявляться недостатки рабского производства. Те, у кого были поля, обрабатывавшиеся рабами, всеми силами стали выжимать из них прибавочный труд, чтобы стать помещиками, а управлявшие ремесленниками-рабами, в свою очередь, всеми силами выжимали прибавочный труд из подчиненных им рабов, чтобы стать самостоятельными хозяевами (гунтоу). Какими же способами они это делали? Они заставляли ремесленников как можно скорее делать казенную посуду, обманывали начальников, путем снижения качества добивались того, что лишними сосудами они могли обмениваться с новоявленными помещиками и получать в обмен на них хлеб и деньги, предназначавшиеся для рабов-хлебопашцев. Таким путем развивалась и торговля... Ремесленники также ухитрялись работать на сторону, что было гораздо выгоднее, чем работать на государство. Постепенно они ускользали из официальных списков и составляли новый торгово-промышленный слой»¹.

С середины периода Чуньцю начался новый подъем, продолжавшийся до конца периода Чжаньго (т. е. до 221 г. до н. э.). Все сосуды этого периода выполнены очень искусно и красиво, они легки и удобны для употребления. Необычайно тонкие и изящные рисунки представляют собой изображения животных и орнаменты. Надписи сделаны большей частью в стихах и написаны тайнописью.

Начиная с династии Цинь наступил период упадка бронзового ремесла. Сосуды опять делались грубо, но они были легче и ими было удобнее пользоваться, чем сосудами второго периода. Изображения на них совершенно исчезли, надписи выполнялись плохо и становились все короче; в них большую частью обозначалась только емкость сосуда и стояло имя ремесленника.

Книга «10 критических работ» начинается с главы «Критика исследования древнего общества», в которой автор подверг пересмотру многие положения, высказанные в первом его труде. В разделах этой главы — «О так называемом „феодализме“», «О системе цзинтянь», «Как рабы добились освобождения» — Го Мо-жо изложил свою новую точку зрения на коренные вопросы истории древнекитайского общества. Дальнейшие главы этой книги, озаглавленные «Критика Кун-цзы и Мо-цзы», «Критика восьми течений конфуцианства», «Критика школы Лао-цзы» и другие, посвящены критическому разбору древнекитайских идеологических течений.

Для историка Го Мо-жо характерна необыкновенная разносторонность интересов: наряду со специальными исследованиями в области истории материальной культуры, детальный разбор различных идеологических направлений древности; рядом с работами, посвященными тщательному анализу значения отдельных иероглифов на гадательных костях и бронзовых сосудах, — труд, посвященный творчеству поэта Цюй Юаня. Прекрасное знание древнекитайских письменных источников вместе с глубоким изучением археологических материалов дают возможность Го Мо-жо в его работах делать обобщения, синтезирующие огромный проработанный

¹ Го М о - ж о , Ши пипань шу, стр. 57.

материал. Редкое сочетание исторической эрудиции с талантом писателя и поэта позволило Го Мо-жо художественно обработать ряд сюжетов из древнекитайской истории. Так, им написаны историческая пьеса «Лютня» из времен Цинь Ши хуанди, историческая трагедия о замечательном древнекитайском поэте Цюй Юане, переведенная недавно на русский язык, и т. д.

Историк Го Мо-жо развивает взгляды, весьма близкие советской науке. В своей научно-организационной деятельности, как Президент Китайской академии наук, Го Мо-жо очень много сил прилагает к сближению ученых СССР и Китая, придает огромное значение обмену опытом с советскими учеными. Постоянно содействуя распространению в китайской науке идей марксизма-ленинизма, Го Мо-жо к области науки прилагает слова Мао Цзэ-дуна, основанные на огромном опыте революционной борьбы в Китае: «Теория Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина верна для всего мира» (Мао Цзэ-дун, «Роль Коммунистической партии Китая в национальной войне»).

Творчество историка Го Мо-жо, не отделимое от его творчества поэта, писателя, публициста и от его общественной деятельности, служит делу развития передовой культуры, делу мира и дружбы между народами.

